

Вот такие они — частушки, удивительные свидетельства духовной силы простых советских людей, прежде всего женщин, в годы тяжелейших испытаний, выпавших на долю народа.

Е.Д. Спасская,
зав. литературным отделом Курского областного краеведческого музея

Война и дети в творчестве Е.И. Носова

Одна из читательниц как — то написала Евгению Ивановичу Носову: «Ваши произведения стоит прочесть один раз или услышать по радио и запомнишь на всю жизнь...»

А я была свидетелем такого разговора в музее у стенда с иллюстрациями к «Красному вину Победы»: Мальчик лет шести говорил: «Мама, а я про это по радио слушал...» Ему никто ничего не объяснял, просто душа ребенка откликнулась на тот добрый свет, который шел от слов писателя и сохранился в его еще детской памяти. Наверное, это главная награда за труд автора прекрасных рассказов и повестей, чье творчество знают не только в России, но и далеко за ее пределами.

В одном из интервью писатель говорил, что тему войны он распочал достаточно поздно: действительно это так — первая книга «На рыбачьей тропе» вышла в 1958 году, «Красное вино Победы» спустя более 10 лет — в 1969, затем в 1973 году — «Шопен, соната номер два», позже — ряд других произведений и наконец — в 1977 году — прекрасная, вершинная его повесть — «Усвятские шлемоносцы», которую писатель Виктор Политов назвал «нашими святыми»....

Однако, еще в 1961 году в газете «Молодая гвардия» (9 декабря) был напечатан рассказ Е. Носова «Тысяча верст», который позже (в 1998 году) вошел в книгу «Фанфары и колокола». Здесь мы и подошли к теме настоящего сборника: «Война и дети». О детстве, о ребятах и подростках Евгений Иванович писал много и охотно, не случайно одно из его интервью названо так: «Детство — пора серьезная...» А тем более — детство и война. Две вещи, которые так трудно совместить.

... Двое мальчишек давно не стриженных и замерзающих в холодной избе, в которой уцелели только верхние стекла в окнах, а на

подоконник ночью намело горку снега. Их мать ушла в поисках хлеба, надеясь выменять его на отцовские сапоги и скатерть. Голодно, страшно, одиноко братишкам. Война за окном встает во всех ее реалиях. «Посередине поля маячил подбитый танк с черно-белым крестом и рыжий остов комбайна с развороченным боком...».

Ребятам эти машины кажутся «неизмеримыми быками из разных гуртов»... И еще видят они из окна остатки хуторской школы, и автор бросает горестный упрек тем, кто развязал эту страшную войну: «Из всего сохранились только школьные качели. Ветер болтал обрывки веревок под перекладной, и теперь, среди развалин они больше походили на виселицу...».

«Глухая тоска», от которой «щежит в носу», но видят дети снегирей, которые «каждую зиму появлялись на хуторе и вот прилетели опять». Им невдомек, что кругом поруха: «Чистые, розовогрудые, тепло одетые птицы покачивались на заиндевевших ветках»... И Стёпка мечтает: «Хорошо быть снегирем... куда хочешь, туда и лети... — мигом бы. А куда б ты? Война кругом... Но ни ему, ни птахам не суждено такого: «...За лесом бабахнуло, птицы вздрогнули сложенными крылышка — ми... и сорвались с куста»...

«А мать все не шла — охота... — есть охота... Хлеба — а-а дай! — тянул Степка. И ребяташки — через слезы, голод и отчаяние хотят сварить на чугунке мерзлую картошку, которую приходилось каждый день есть без соли, без хлеба, и от этого щемило где-то за ушами...» Но и это не удастся — гаснет единственный в избе огонек в лампадке, а спичек — то нет.

И снова — голодное, холодное ожидание. И детские невеселые думки о войне. «Мне все время снится немец... Страшный такой! — говорит Стёпка. Весь железный. Я в него стреляю, а пуля не берет».

Ребятам кажется, что поди, теперь и сел нигде не осталось. И разве есть еще где-нибудь люди? И вдруг... «послышались тяжелые, скрипучие с мороза шаги — вошел чужой человек, весь запорошен — ный снегом. Все на нем было чужое, незнакомое. Немец! И против ожиданий он не был страшным, как во сне. Это был измученный, сломленный человек, прошедший через все терни войны, с которой он явился на нашу землю, пришедший к осознанию поражения и конца. Он хочет подарить ребяташкам патрон, чтобы они играли, но и пони — мает бессмыслицу этого жеста. «Он поставил на столе патрон торчком. Тот стоял перед ним браво, навтыжку, сиял начищенной брон —